

ТЕНИ НА ОБЛОЖКЕ

ЮЛИЯ КРЫЛОВА

Юлия Крылова

Тени на обложке

«Автор»

2026

Крылова Ю.

Тени на обложке / Ю. Крылова — «Автор», 2026

Тени всегда были частью его историй. Марк Воронов писал о них, приручал их, упаковывал в красивые обложки. Популярный писатель детективов привык, что самые мрачные сюжеты рождаются у него в голове — пока однажды реальность не начинает копировать его романы. В городе одно за другим происходят убийства, пугающе точно повторяющие сцены из его последней книги. Детектив Ульяна Соколова из убойного отдела не верит в совпадения: она уверена, что кто-то использует тексты Воронова как инструкцию. А сам Марк не может отрицать главного — убийца будто знает его мысли. Его страхи. Его самые тёмные секреты. Вместе они должны распутать цепочку преступлений, прежде чем следующая страница станет чьей-то настоящей смертью. Но чем ближе они к разгадке, тем сильнее стирается грань между вымыслом и реальностью. И тем опаснее становится каждый новый сюжетный поворот. Потому что финал этой истории уже написан. Осталось только переписать его — или умереть по сценарию.

© Крылова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плейлист для чтения	5
Посвящение	6
Пролог. Страница, которой не должно было быть	7
Глава 1. Сцена, которая сбылась	8
Г	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлия Крылова

Тени на обложке

Плейлист для чтения

- 1 "The Night We Met" (Instrumental) Lord Huron
- 2 "Experience" Ludovico Einaudi
- 3 "Intro" (The X-Files) Mark Snow
- 4 "Nuvole Bianche" Ludovico Einaudi
- 5 "The Sound of Silence" (Instrumental) Disturbed
- 6 "Run" Ludovico Einaudi
- 7 "Demons" (Instrumental) Imagine Dragons
- 8 "The Departure" Max Richter
- 9 "Sinner Man" (Instrumental) Nina Simone
- 10 "Shadow of the Day" (Instrumental) Linkin Park
- 11 "Dust in the Wind" (Instrumental) Kansas
- 12 "Time" Hans Zimmer (Inception)
- 13 "Fix You" (Instrumental) Coldplay
- 14 "The Light" HAEVN
- 15 "Clair de Lune" Claude Debussy

Посвящение

Мокрый асфальт и разбитый фонарь,
След на стене от чужой руки.
Тени длинней, чем январская гарь,
В переулке застыли тоски.
Каждый абзац — это шаг в пустоту,
Строчка — удар о бетонную твердь.
Слово становится жизнью иль сном,
Пока ты читаешь — я здесь, я есть.
Тот, кто не верит случайным огням,
Кто в луже не небо, а бездну найдёт,
Знает: тени — не враг, а семья,
Что в темноте свою песню поёт.
Тот, кто флешку с полумесяцем
Сжал, как ключ от закрытых дверей,
Видит, как буквы становятся лицами,
Где каждый — соавтор, и жертва, и зверь.
Я писал это в дождь, в тишине,
Когда город сдавался теням.
Тем, кто видит в глубине не страх,
А ответ и своё отраженье.

Пролог. Страница, которой не должно было быть

Я не люблю случайности. В них нет изящества.

А в его текстах — есть. Воронов умеет выстраивать линии так, что реальность кажется грубой подделкой по сравнению с тем, как он её описывает. Я читал его раньше, со времён его первого романа — тогда он писал под псевдонимом, и никто не знал, что за строками стоит этот бледный парень с тревожным взглядом. Я писал ему письма — одно за другим. «Ваш стиль изменил мою жизнь», «Вы открыли мне глаза на красоту тьмы». Ни одного ответа. Для него я был просто ещё одним читателем, статистикой продаж, пятном на графике успеха. Но никогда не чувствовал этого зуда в пальцах — желания не просто восхититься, а воплотить. Пока не наткнулся на тот самый черновик. И понял: вот он, шанс. Не просто восхищаться, а стать соавтором. Доказать, что реальность может быть острее вымысла. Что я — не невидимка из писем без ответа, а режиссёр, который заставит самого Марка Воронова играть по моим правилам.

Он даже не скрывал его толком: файл с названием «Черновик X» в глубине папки, будто сам хотел, чтобы его нашли. Я улыбнулся, когда открыл. Там было всё: переулочек, разбитый фонарь, поза жертвы, будто специально рассчитанная, чтобы выглядеть одновременно неестественно и неизбежно. Даже тень была описана так, словно она — отдельный персонаж.

Я перечитал страницу трижды. И с каждым разом понимал: это не просто хорошая сцена. Это приглашение.

Сначала я думал ограничиться тем, чтобы повторить её в точности — ради удовольствия, ради того, чтобы увидеть, как слова обретают плоть. Но когда я стоял в том переулке, глядя, как осколки фонаря ловят тусклый свет, я почувствовал нечто большее. Это было как дирижировать оркестром, где каждая деталь — нота, а тишина между ними — тоже часть мелодии.

Воронов думал, что он создаёт миры. А я понял, что могу использовать его миры как чертежи. Я покажу ему, что настоящие истории пишутся кровью.

Полиция появилась быстро, но я уже был далеко. Наблюдал издали, из полутени между домами, и видел, как его вытаскивают из книжного магазина. Его лицо... Сначала шок, потом попытка держаться спокойно. Он всё ещё думал, что это чья-то злая шутка.

Ошибался.

Потом я достал чистый лист. Не для заметок — для следующего шага. В его черновике оставалось ещё несколько сцен. Я не собирался следовать им в точности. Нет, это было бы слишком просто. Я хотел играть с ним: брать его идеи и искажать их, оставлять знакомые очертания, но менять суть, чтобы он вечно бежал на шаг позади.

Пусть думает, что знает, как устроены преступления. Пусть верит, что его логика — ключ ко всему. А я буду тем, кто каждый раз поворачивает замок в другую сторону.

И самое приятное — он сам приведёт ко мне тех, кто мне нужен. Потому что Воронов не из тех, кто отступает. Он будет искать ответы, стучаться в двери, задавать вопросы. И каждый его шаг будет оставлять след.

Дождь смыл отпечатки с асфальта, но не смог смыть тень, которую я отбрасывал, стоя в переулке. Я смотрел, как город возвращается к своей обычной суете.

Игра только начиналась. И на этот раз автором был не он. Я убрал чистый лист в карман. Скоро он поймёт, что мы теперь связаны. А пока... пусть привыкает к роли подозреваемого.

Глава 1. Сцена, которая сбылась

«Кто-то играет со мной», — подумал Воронов, глядя на полицейскую ленту. Он ещё не знал, насколько прав.

Черновик «Х» родился случайно. Тогда, три месяца назад, Марк сидел на кухне в три часа ночи, обложившись старыми записями, и пытался понять, почему его новый роман не идёт. Герои были плоскими, сцены — вторичными. Он перечитал первую главу раз десять и каждый раз находил новые дыры. И вдруг, как часто бывает, мысль пришла не из головы, а из-за окна. Там, в переулке, горел фонарь — единственный на всю улицу. Его свет ломался о мокрый асфальт, создавая причудливые тени, и Марк поймал себя на том, что смотрит на них не как на отражения, а как на живых существ. Он взял блокнот и начал писать — быстро, почти не думая, просто фиксируя то, что видел. «Переулок, разбитый фонарь, тень, которая движется сама по себе. Жертва лежит у стены, неестественно изогнувшись, будто её кто-то сложил, как бумажную фигурку». Он писал и не замечал, как переходит от описания к действию, от действия к диалогу. К утру черновик был готов — восемь страниц, сырых, пугающих, но живых. Он не планировал включать их в книгу. Это было слишком личное, слишком тёмное. «Побочный эксперимент», — решил он и сохранил файл под названием «Черновик Х» в рабочей папке, куда заглядывал редко. Почему он не удалил его? Потому что в нём было что-то, чего он боялся касаться: чистый страх, не приправленный литературными приёмами. Он оставил его там, как напоминание, что он ещё умеет писать без оглядки на редактора. Или, возможно, как приманку для самого себя — если когда-нибудь решится вернуться к этому тексту, то поймёт, что может идти дальше. Тогда он не думал, что кто-то найдёт этот файл. Не думал, что тот, кто его найдёт, воспримет слова не как метафору, а как инструкцию. Он просто закрыл ноутбук и пошёл завтракать.

Утро перед презентацией выдалось ясным, почти летним, хотя календарь упрямо показывал середину октября. Город просыпался нехотя, как старик, знающий, что день будет долгим. Из открытых окон тянуло жареным луком и кофе, смешанными с сыростью октябрьского утра. По мокрым тротуарам скользили первые прохожие — женщины с зонтами, мужчины с портфелями, дети, волочившие за собой рюкзаки. Где-то за углом загудел грузовик, и эхо его двигателя прокатилось по пустым переулкам, задевая стены старых домов. Осень он не любил. В ней было что-то от его собственных романов — мокрое, серое, безысходное. Марк стоял у плиты, помешивая кашу, и слушал, как Тима возится в коридоре, собирая рюкзак. Лидия Петровна уже ушла в магазин, оставив на столе записку: «Не забудь про книгу, я буду у "Переплёта" к одиннадцати».

— Папа, — Тима появился на пороге, держа в руках лист бумаги. — Я нарисовал тебя.

Марк взял рисунок. На нём был человек в плаще, стоящий на сцене, а вокруг — длинные чёрные линии, которые тянулись отовсюду: от стульев, от колонн, даже от микрофона.

— Это тени, — пояснил Тима. — Они тебя не пугают?

Марк улыбнулся, присаживаясь на корточки.

— Нет, сынок. А почему ты их нарисовал?

— Они всегда рядом, — серьёзно ответил мальчик. — Даже когда солнце. Они просто ждут, пока станет темно.

Марк замер. Слова сына прозвучали как строчка из его собственного романа, которую он написал месяц назад и уже забыл. Он хотел сказать что-то ободряющее, но вместо этого спросил:

— А ты их боишься?

Тима покачал головой.

— Нет. Ты же с ними справляешься. Значит, я тоже смогу.

И убежал собираться, оставив рисунок на столе. Марк долго смотрел на него, чувствуя, как внутри поднимается странная тревога. Он не знал тогда, что эти тени уже были рядом — не на бумаге, а в реальности. И что через несколько часов он увидит их воочию.

Когда Марк спустился на кухню, Лидия Петровна уже хлопотала у плиты. Она обернулась, вытирая руки о фартук, и внимательно посмотрела на него.

— Ты плохо спал, — сказала она не вопросом, а утверждением. — Под глазами круги.

— Вчера дописывал главу, — ответил он, наливая кофе. — Никак не мог найти нужную интонацию.

— Ты слишком много думаешь о тёмном, — сказала она тихо. — Хотя бы Тима не начал этого бояться.

Марк отмахнулся, как делал всегда, когда она начинала эти разговоры. Но сейчас, оглядываясь назад, он понимал: в её словах было предчувствие. Она видела то, что он упорно не замечал — как его тексты прорастают в реальность, как тени переползают из воображения в повседневность.

— Сегодня презентация, — сказал он, стараясь сменить тему. — Ты придёшь?

— Я приду, — кивнула она. — И Тима тоже. Мы будем стоять в заднем ряду, чтобы ты нас видел, но не отвлекался.

Она улыбнулась, и на мгновение Марку показалось, что она знает что-то, что он не знает. Но он списал это на обычную материнскую тревогу.

Книжное пространство «Переплёт» в центре города выглядело так, будто его специально проектировали для эффектных презентаций: высокие потолки, тёмные деревянные балки, полки, уходящие в полумрак, и сцена, залитая холодным прожектором, который бил прямо в глаза, словно на допросе. Марк Воронов стоял у микрофона, привычно шутил, ловил аплодисменты и не замечал, как воздух в зале сгущается, будто перед грозой.

Он как раз собирался рассказать о самой мрачной сцене своего нового романа — о переулке, где свет фонаря ломается о стены, а тень становится главным свидетелем преступления, — когда в зал ворвались полицейские. Не те, что приходят ради фото с автором, а настоящие: с рациями, напряжёнными лицами и приказом очистить помещение.

Марк замер, глядя, как люди в форме перекрывают выходы. Его взгляд скользнул к окну — там, в переулке, который был виден с этой стороны магазина, мелькнули синие огни и жёлтая лента. Что-то внутри щёлкнуло, как сломанный замок. В тот же миг он вспомнил: на холодильнике дома до сих пор висит детский рисунок Тимы — мальчик нарисовал папу в круге света, а вокруг — чёрные тени. И сейчас эти тени будто прорвались в реальность.

— Что происходит? — спросил он у администратора, но тот только беспомощно развёл руками, нервно теребя бейдж.

Через минуту к нему подошла женщина в строгом пальто, с удостоверением в руке. Это была Ульяна Соколова — её лицо было лишено эмоций, будто она заранее отсекала всё лишнее, чтобы не мешало делу.

— Марк Воронов? Вам придётся пройти с нами.

— Это шутка? У меня презентация.

— А у нас убийство, — спокойно сказала она. — И оно выглядит так, будто кто-то взял страницу из вашей книги и воплотил её в жизнь.

Её голос был ровным, без эмоций, будто она сообщала о переносе рейса, а не о смерти человека. Воронов на секунду задержался, оглядываясь на зал, где ещё минуту назад он был звездой вечера. Теперь он чувствовал себя персонажем, которого внезапно выкинули из собственной истории.

Улица встретила его резким ветром и запахом дождя, который вот-вот должен был начаться. Полицейская машина стояла у тротуара, мигая тусклыми огнями. Воронов на секунду замер, будто если не сделает шаг, реальность не успеет его догнать.

Место преступления находилось в том самом переулке, о котором он только что собирался рассказывать. Узкий, тёмный, зажатый между старыми домами, он служил идеальным фоном для сцены из его романа: жертва лежала у стены, в неестественно изогнувшись, рядом — разбитый фонарь, осколки которого рассыпались по асфальту, как ледяные звёзды.

Под телом жертвы была лужа воды — дождевой, не кровавой, но от этого она казалась ещё более зловещей. Рядом валялся сломанный зонт, которым никто уже не мог воспользоваться. На стене, возле головы женщины, кто-то оставил след — не от руки, а от предмета, возможно, того самого фонаря, которым разбили стекло. И ещё был запах. Не крови, а металла и чего-то сладкого, как будто убийца принёс с собой флакон духов. Марк заметил это и понял, что это не случайность. Убийца оставлял запахи так же, как оставлял подсказки. Он играл в кошки-мышки, но кошка уже была внутри.

Рядом с лентой уже работал судебный эксперт Елена Морозова. Она двигалась размеренно, не торопясь, будто каждое движение было отрепетировано. Наклонившись, она подняла что-то с асфальта пинцетом и положила в пакетик, затем сделала пометку в блокноте. Чуть дальше, у стены, присел на корточки Андрей Крылов, помощник Соколовой. Он что-то фотографировал, время от времени поправляя очки, и тихо бормотал себе под нос, фиксируя детали.

Ульяна Соколова стояла у ленты, наблюдая за работой экспертов. Она не торопилась заводить разговор, давая Воронову время осознать, что он здесь не как гость. Её поза была расслабленной, но в ней чувствовалась готовность к действию — как у кошки перед прыжком.

— Вы ведь понимаете, что это выглядит подозрительно, — наконец сказала она, не глядя на него.

— Я пишу детективы. Подозревать всех писателей в убийствах — это как подозревать поваров в отравлении.

Соколова подняла бровь, и в этом жесте было столько скепсиса, что Воронов невольно почувствовал себя школьником, оправдывающимся перед строгой учительницей.

— Но вы описали эту сцену до того, как она произошла. До мельчайших деталей. Даже этот разбитый фонарь. Его не было в предварительных отчётах. Никто не знал.

Воронов почувствовал, как по спине пробежал холодок, не от ветра. Он вспомнил: деталь с фонарём добавил в последний момент, буквально за день до сдачи рукописи. Это была та самая мелочь, которая, по его мнению, делала сцену живой. И ещё он вспомнил, как вечером накануне Лидия Петровна, заваривая ему чай, тихо сказала: «Ты слишком много думаешь о тёмном. Хоть бы Тима не начал этого бояться». Тогда он отмахнулся, а теперь эти слова звучали как предупреждение.

— Значит, кто-то знал, — тихо произнёс он. — Кто-то читал мою рукопись.

Соколова наконец посмотрела на него — прямо, без снисхождения. В её глазах не было ни злости, ни сочувствия, только холодный расчёт.

— Или вы сами её воплотили.

Допрос проходил в тесном кабинете, где пахло кофе и старой бумагой. Воронов сидел напротив Соколовой, чувствуя себя одновременно актёром на пробах и подозреваемым в плохом кино. На столе между ними лежала папка с бумагами, которую детектив пока не открывала. Рядом, на краю стола, лежал блокнот Андрея — Воронов мельком заметил аккуратные записи и схематичные зарисовки места преступления.

И в этот момент он вспомнил, как пять лет назад описал похожую сцену — переулок, фонарь, тень. Тогда это было вдохновением после случайной драки у бара, где один из участников не выжил. Воронов превратил это в главу романа, добавив драматизма, убрав детали... А теперь кто-то вернул ему оригинал — сырой, жестокий, настоящий. И этот кто-то знал, что он поймёт намёк.

— Где вы были сегодня вечером до презентации? — спросила она, делая пометки в своём блокноте.

— Дома. Работал. Потом приехал сюда.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— Моя кошка. Но боюсь, её показания суд не примет.

Соколова не улыбнулась. Её лицо оставалось непроницаемым, будто улыбка была лишней деталью, которую она сознательно исключила из своего арсенала.

— У вас есть враги? Люди, которые могли бы хотеть подставить вас?

Воронов задумался. Враги — понятие растяжимое. Были критики, которые разнесли его прошлый роман. Были коллеги, которым не нравилось, что он слишком часто попадает в списки бестселлеров. Но чтобы кто-то устроил такое Он вспомнил, как Тима утром просил: «Папа, почитай мне сказку, а не про убийства». И вдруг ему стало стыдно за то, сколько места в его жизни занимали чужие смерти.

— Если бы я знал, кто способен на такое, я бы уже написал о нём книгу, — ответил он.

— И она была бы про тюрьму.

Соколова закрыла блокнот.

— Пока вы свободны. Но не покидайте город. И если вспомните что-то что угодно, даже если это покажется ерундой — звоните.

Она протянула ему карточку. На ней были только имя, фамилия и номер. Никаких лишних слов.

Когда Воронов вышел на улицу, дождь наконец начался. Капли падали на асфальт, размывая следы, которые ещё недавно были чёткими. Он остановился, глядя на город, который вдруг стал чужим.

И в этот момент он понял: кто-то не просто читал его книгу. Кто-то играл с ним. И правила этой игры были написаны кровью.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.